

Волгоградская областная детская библиотека

12+

С книгой по Великому шелковому пути

Дайджест

для руководителей детским чтением

Выпуск 7

ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ

Волгоград
2017

ББК 82
С-11

Составитель:
Е. Ю. Ускова

Редактор:
И. А. Знаменьщикова

Компьютерная верстка:
Е. М. Соколова

Ответственный за выпуск:
Н. В. Ретунская

С книгой по Великому шелковому пути: дайджест для руководителей детским чтением. Выпуск 7. Восточные сказки /
С-11 Волгоградская областная детская библиотека; сост. Е. Ю. Ускова;
ред. И. А. Знаменьщикова; отв. за вып. Н. В. Ретунская. – Волгоград, 2017. – 24 с.

ББК 82

Рекомендовано к печати редакционным советом Волгоградской
областной детской библиотеки

© Волгоградская ОДБ, 2017

Содержание

Зачин. « <i>Было это, или не было, но...</i> »	1
Сказочные секреты.....	2
Основное действие. Караван восточных сказок.....	8
<i>Первая сказочная остановка – Китай</i>	9
<i>Вторая сказочная остановка – Индия</i>	12
<i>Третья сказочная остановка – Средняя Азия</i>	15
Кульминация. « Тысяча и одна ночь » как гимн красоте.....	18
Концовка.....	21
Список литературы.....	22
Электронные ресурсы.....	24

*Когда-нибудь ты дорастешь до такого
дня, когда вновь начнешь читать сказки.*

К.С. Льюис

Зачин

«Было это, или не было, но...»

Ровный золотистый свет луны заливал городскую площадь древнего города, много лет стоящего в цветущей долине, и освещал детей и взрослых, сидящих на невысоком помосте вокруг седобородого сказочника в белоснежной чалме. Невдалеке, сквозь лунную ночь скорее угадывались, чем виднелись силуэты величественных горных хребтов. Размеренно и напевно лилась речь – старик рассказывал сказки.

В них, как и в других сказках народов Востока, объединенных единой дорогой жизни, названной Великим шелковым путем, жила дерзновенная мечта человека о счастье, таинственных предметах и чудесах: ковре-самолете, старой лампе или магическом кольце, дворцах, возникающих по волшебству, и о необыкновенных помощниках, которые, словно птица Симуург (Семург), взмывали к небесам или поднимались из-под земли.

Ведь сказка народов Востока – это удивительное творение человеческого гения, которое увлекает достижимостью того, что ка-

жется вроде бы совершенно невозможным.

Конечно, в давние времена на Востоке сказки слушали не только на городских площадях. Являясь частью богатых фольклорных традиций, они рассказывались пастухами во время остановок торговых караванов, в городах, где на базарах в чайханах собирались люди, в домах и юртах жителей селений, в хижинах индийских бедняков и просто в кругу женщин, стариков, детей.

Но где бы не появлялся сказитель – в Китае, Индии, странах Средней Азии или Ближнего Востока – его необычные повествования всегда пользовались невероятной популярностью у слушателей. Ведь сказка и по сей день имеет свой, только ей присущий стиль, отличающий ее от других жанров художественной литературы.

Сказочные секреты

Фольклорная сказка. Специфика Востока.

Теперь, чтобы познакомиться со сказками народов Востока, не обязательно слушать сказочника, достаточно протянуть руку к полке с книгами. Большинство из них переведены на многие языки мира и по праву стали важным явлением мировой культуры. Но так было не всегда...

Являясь коллективным искусством, фольклорная сказка создавалась в народе, передавалась из уст в уста и шлифовалась на протяжении долгого времени.

В то же время о бытовании сказок народов Востока имеются лишь очень скудные сведения. Известно, что до нашего времени сказка жила очень интенсивной жизнью и пользовалась популярностью при царских дворах. Например, турецкие султаны в XVII веке охотно слушали специальных сказочников-меддахов, а многие малайские сингальские вельможи и в настоящее время держат у себя сказочников. Однако естественнее всего сказка живет в устах простого народа.

Что же принято называть сказкой?

Само слово «сказка» как будто одно из самых простых и понятных, и не требует долгих объяснений. Между тем, оно таит в

себе немало загадок.

Известный русский фольклорист Александр Исаакович Никифоров понимал под сказкой «устный рассказ, бытующий в народе с целью развлечения, имеющий содержанием необычное (фантастическое, чудесное или просто житейское) и отличающийся специальным композиционно-стилистическим построением» [12].

То есть сказка – это рассказ о заведомо невозможном. Последняя ее черта важна особенно, так как пространство сказки всегда наполнено фантастическим или неоправданным. Непознанные тайны природы и мира людей изображаются в ней с помощью фантастических существ, образов и предметов. Так, животные в сказке умеют разговаривать и часто помогают герою, а обыкновенные на первый взгляд предметы, вроде старой медной лампы Аладдина или ковра, оказываются волшебными. Существуют сказки, которые наполнены житейским содержанием, в них герои – люди и обстановка не содержат ни фантастики, ни чудес. Однако и там нередко рассказывается о странных приключениях и событиях у людей (про огромную силу, ум, глупость, изворотливость и т. п.) или о занятных, веселых, но тоже из ряда вон выходящих фактах (обман женами мужей, хитрость дураков, ловкое воровство, пикантные положения и т. п.).

Верите вы сказке или не верите – вопрос особый, но без фантастики и вымысла сказки не бывает. Ведь чудеса происходят не просто так, они имеют свою логику и смысл, отчетливо показывая постоянную борьбу между добром и злом. А потому, именно фольклорные сказки объясняют, что есть хорошо, а что плохо; как нужно относиться к людям, а как нельзя; что представляют собой настоящие жизненные ценности, а что ложные. Именно они стремятся воплотить идеал человеческой жизни, поступков и поведения.

В сказках мы обнаруживаем своеобразие национального характера, быта, одежды, обычаев разных народов Востока. В них обязательно находит отражение мир, в котором живет народ, их создавший. И в первую очередь – окружающая природа.

В то же время сказочный репертуар народов, живущих в разных уголках планеты, не велик. Давно замечены черты их боль-

шого сходства, а порой и попросту заимствования. Так, сюжет индийской сказки «Золотая рыба», записанный в глухом уголке Центральной Индии, знает каждый, кто читал или слышал чудную пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». Здесь есть и безвольный, хотя и добрый старик, и сварливая, жадная до почестей и богатства старуха, и золотая рыба, доставляющая блага и высокие титулы.

Неслучайно знакомство с богатством индийского фольклора навело некоторых ученых на мысль об Индии как родине сказок, откуда они отправлялись в странствие по всему миру. Перемещаясь, они впитывали местные традиции, колорит, приспособлялись к местным обычаям. Но были и те сказки, что возникали независимо друг от друга в разных странах, в силу сходства условий жизни, стремлений, надежд и чаяний проживающих там народов.

Как бы то ни было, но сказка ярче, чем другие жанры устного народного творчества одновременно демонстрирует национальное своеобразие фольклора и открывает общие черты, свойственные человечеству.

Все это доказывает лишь одно – народной сказке присуще двоякое качество, с одной стороны, она многообразна и пестра, а с другой – поразительно однообразна. И однообразие это проявляется, прежде всего, в особой форме построения сказки.

Почти все ее герои живут и действуют в особом «сказочном» времени и пространстве. Нет, конечно, это время очень похоже на то, в котором живет сам сказочник, но все-таки оно особое. Поэтому многие сказки Востока нередко начинаются с традиционных зачинов типа: «Давно это было...», «Было это на самом деле или нет...», «В глубокой древности...», «Во времена давние – стародавние...» и т. п., которые настраивают слушателей на сказочный лад, берут в плен их воображение, отрывают от обыденной обстановки и переносят в волшебный мир. Концовка же сказки, напротив, призвана возвращать слушателя или читателя к действительности, к реальной жизни: «С тех пор они жили счастливой жизнью, душа в душу, во взаимном уважении, до глубокой старости» или «Счастливо жил он в своем дворце вместе со своей женой».

В огромной культурной сокровищнице народов Востока раз-

личают несколько жанровых разновидностей сказок: о животных, волшебные и бытовые.

Сказки о животных

Сказки о животных ведут свое происхождение из глубокой древности и сначала были связаны с хозяйственными заботами первобытного человека – рыбака или охотника, жизнь которого во многом зависела от охотничьей удачи. Он верил, что между людьми и животными существуют родственные связи, и потому приписывал им человеческие способности и свойства. Именно поэтому в сказках животные разговаривают друг с другом и понимают людскую речь.

Кроме того, звери представлялись первобытному сознанию перевоплотившимися духами и божествами. Например, в китайских сказках дракон, ставший впоследствии символом государя, верховного правителя, – это божество, которое ведает дождем. Дождь же был первой заботой древнего человека, благом для полей, страдающих от жажды.

Несомненно, что в сказках данного жанра находит отражение животный мир той страны, где они появились. Ведь не удивляет встреча в сказках Индии с такими экзотическими персонажами, как тигр, обезьяна, крокодил или слон, а в сказках народов Средней Азии нередко такие герои, как верблюд, ишак, собака или лиса.

Хотя в данных сказках говорится про животных, под ними почти всегда подразумеваются характеры людей. Так, если в китайских сказках появлялся тигр, то никто не сомневался, что он важный господин – грозный, свирепый и безжалостный, ведь в представлении многих народов Юго-Восточной Азии тигр – символ силы и могущества. Тогда как насмешливое отношение к обезьянам можно встретить в индийских сказках, где они напоминают людей суетливых и незадачливых, о которых еще в Древней Индии говорили «переменчивы, как мысли обезьян».

Среди сказок о животных у народов Восточной и Средней Азии есть так называемые легендарные. Они объединены, конечно, по сказочному – враждой и ссорами зверей и птиц, а также забавными

случайностями, дающими ответы на вопросы: почему у животных та или иная окраска или откуда взялись те или иные повадки?

Наряду с животными, которые существуют на самом деле, в сказках народов Востока действуют и выдуманные: птицы Феникс и Симуург (Семург), крылатый огненный конь Тулпар, драконы, кейннары (полуптицы-полулюди) и многие другие.

Волшебные сказки

Конечно, самыми популярными сказками у всех народов мира являются волшебные. В них рассказывается о необыкновенных событиях или приключениях. Герой таких сказок отправляется в дальний путь на поиски удивительной красавицы (например, в сказках народов Средней Азии – пери), вступает в борьбу с дэвами или драконами и, конечно же, побеждает последних. Именно такая сказка привлекает читателя чудесным полетом фантазии, где человек достигает того, что он не может сделать в жизни. Ведь положительным героям волшебных сказок помогают преодолевать препятствия сверхъестественные силы, волшебные предметы или чудесные помощники вроде мудрого старика, добрых духов, необычных животных (журавля, собаки, кошки и других) или перстня.

Некоторые исследователи фольклора, подобно средневековым алхимикам, на протяжении многих лет пытались вывести формулу волшебной сказки, смешивая в «кипящем сказочном котле» персонажей и оценивая их поступки. Успеха в этом нелегком деле добился известный фольклорист Владимир Яковлевич Пропп, который предложил разделить волшебных персонажей на семь основных групп в зависимости от их функций (поступков). По мнению ученого сказка, помимо настоящего героя, невозможна без вредителя, то есть персонажа, который наносит вред этому герою как, например, чудовищная птица, похитившая невесту, или злой магрибинский колдун, укравший волшебную лампу. Поскольку в ткань сказочного повествования всегда вплетается волшебное средство, будь то лампа, кольцо, ковер или дубинка необходим персонаж, который одаривает героя этими чудесными предметами. Его В. Я. Пропп назвал дарителем. Также в волшебных сказках всегда присутству-

ет объект, который похищают: это может быть невеста героя или принцесса, либо какой-нибудь предмет (волшебная лампа). И, наконец, во многих сказках можно встретить ложного героя, который хочет незаслуженно воспользоваться плодами подвига героя настоящего.

Многим, наверняка, известно, что волшебные сказки населены мифическими существами – злыми и добрыми духами. Они или вредят герою, или, наоборот, приходят ему на помощь. У народов Ближнего и Среднего Востока – это шайтан, дэвы и джинны. Все эти придуманные человеком существа непринужденно появляются в сказках, становясь частью сказочного вымысла. Впрочем, как и настоящие божества вроде китайского Князя гор (сказка «Птица чжаогу») или индийского бога Брахмы, во двор которого запросто наведывается ворона (сказка «Охотник и ворона»).

Стоит отметить, что в волшебной сказке фантастика ведет свое происхождение от мифов и представлений первобытного общества. В ней присутствует и одухотворение природы, и древние запреты – табу, которые в сказках выражаются в советах не делать того-то, иначе произойдет непоправимое. Есть здесь различные обычаи, поверья, и, конечно, вера в магию, в том числе слов. Ведь достаточно произнести нужное заклинание – и свершится чудо.

Бытовые сказки

В сказочном фольклоре особое место занимают бытовые сказки. Они возникли гораздо позже, чем другие жанры народных сказок, и во многих странах, вообще, отсутствуют. В них герой действует в знакомой крестьянину или горожанину обстановке: в селении, в соседнем городе, в столице. В бытовой сказке отсутствуют чудеса, волшебные помощники или предметы. Поэтому герою приходится полагаться на самого себя, свою ловкость, ум, изворотливость, жизненную хватку, на «его величество случай», нередко, на недогадливость или тупость противника – богача, важного господина, а то и повелителя. Как, например, находчивому Тенали Рамакришна – герою индийской сказки, который благодаря своему уму искусно обманывает царя-самодура. Правда, иногда в

таких сказках все же появляются злой или добрый духи. Но, как правило, их совсем не трудно одурачить.

В этих сказках, как и в действительной жизни, действуют султаны и императоры, вожди племен и визирь, янбаны (помещики) и хакиды (правители и судьи), представители образованного сословия и служители разных религий: муллы, шейхи, индийские брахманы и буддийские монахи.

Именно в бытовых сказках находят отражение народный юмор и издевка над людскими пороками, над богачами и важными господами, монахами и религиозными деятелями. В давние времена, слушая такие сказки, крестьяне нередко смеялись или просто насмешливо улыбались над жадностью, скупостью, лживостью богача, ведь в реальной жизни им приходилось молча сносить обиды и произвол.

Возможно поэтому в фольклоре многих народов Азии так привлекателен образ смышленного, изобретательного героя, выходца из низов. Он оставляет в дураках или ставит в тупик своих недругов. В сказках Индии таким героем является Тенали Рамакришна, Средней Азии – Ходжа Насреддин, но о нем расскажем позже. А меж тем...

Основное действие

Караван восточных сказок

Между тем, речь седобородого сказочника, сплетенная из тысячи слов, впадающих словно ручейки в огромную красивую реку восточной мудрости, заполнила городскую площадь, погружая детей и взрослых в сказочный мир стран, через которые проходил Великий шелковый путь.

Здесь, словно миражи, сотворенные фантазией слушателей, возникали дворцы и храмы Китая, вокруг которых величественно шествовали индийские раджи, восседая на разрисованных национальными узорами слонах. Здесь же, среди шумной толпы среднеазиатского базара возникал образ Синдбада-морехода, готового отправиться в очередное опасное, но полное удивительных встреч

путешествие... Что побуждало и самих горожан, уютно устроившихся на помосте, пуститься вслед за героем восточной сказки по длинной караванной дороге, соединившей культуры народов, волей судьбы объединенных древним Шелковым путем...

И вот уже перед детьми и взрослыми открывался особый мир древних цивилизаций с их многовековой историей и богатыми фольклорными традициями, в том числе восточными сказками – незабываемыми по своему колориту и удивительными по красоте изложения.

Первая сказочная остановка – Китай

От потрясенного Кремля

до стен недвижного Китая

А. С. Пушкин [14]

«В глубокую старину, уж и не помню, какой император в ту пору правил Поднебесной...» – начинает свой сказ китайский народ («Волшебная картина»), вырисовывая на «сказочном холсте» загадочную историю одной из самых древних стран мира, где даже первое упоминание о записи сказок относится ко 2 тысячелетию до н. э. Но если количество императоров Китая посчитать все же можно, то число легенд этого государства – практически невозможно. Одна из них веками рассказывалась в народе.

Слышали вы ее или нет, но говорят, что сам Нефритовый государь – верховный владыка страны – задумал по животным счет годам вести. Однажды собрал он в своем прекрасном дворце зверей и выбрал из них двенадцать животных, среди которых разгорелся жаркий спор: в каком порядке они должны быть расставлены. Самой хитроумной оказалась маленькая мышь, изловчившаяся доказать, что она больше вола или овцы. Поэтому именно с мыши начинается двенадцатилетний цикл в странах Востока, каждый год которого носит название определенного животного. Позже эта легенда была зафиксирована в сказке «О том, как по животным счет годам вести стали» и приобрела официальный характер. А восточный календарь пришелся по вкусу китайским прорицателям, кото-

рые стали предсказывать судьбу, вычисляя по таблицам, к примеру, что ждет юношу, если он родился в год дракона, а собирается жениться в год обезьяны.

Как и легенда о зверином цикле, другие сказки о животных Китая построены на объяснении их поведения, происхождения повадок или внешнего вида. В этих хитроумных историях рассказывается, почему враждуют собаки и кошки, почему краб сплюснутый или отчего еж колючий.

С течением времени, сказки китайского народа о животных превращались в прозрачные иносказания, где, например, тигр ассоциировался с величием, поскольку почитался в народе как царь зверей. Согласно древним воззрениям, он имел право на брачные отношения с людьми «своего племени». Доказательством тому служит изображение на найденном бронзовом сосуде конца 2 тысячелетия до н. э. человека в могучих объятиях тигрицы. Сюжет о тигре – похитителе девушек – был широко распространен в Китае (например, сказка «Как тигр невесту украл»).

Впрочем, у китайцев развитие сказок о животных приостановилось еще в древности. Причиной тому явилась бедность фауны страны, где в густонаселенных районах не осталось невозделанных земель и лесов.

Особое место в сказочном репертуаре китайцев занимают волшебные сказки. Они распадаются на отдельные циклы, повествуя о похищении невесты, вызволении ее из мира мертвых, о женитьбе героя на чудесной девушке и о том, как обездоленный берет верх над злыми родичами.

В сказочном фантастическом творчестве китайского народа грань между реальным и потусторонним мирами отсутствует. Они переплетены столь причудливо, что в этой поистине «китайской» головоломке европейский читатель совершенно теряется и лишь в конце повествования узнает, кто на самом деле живой человек, а кто нечистый дух, оборотень или ведьма. Впрочем, «приземленность» сказочной фантастики характерна для большинства волшебных сказок Китая. Действие в них никогда не происходит в некотором царстве – тридесятом государстве, а, наоборот, все

необычное случается с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах. Именно в этом принципиальное отличие сказочной фантастики китайцев от безудержной и совсем неприземленной фантастики индийских или, например, арабских сказок.

Необычно и то, что животные-оборотни или люди, которые умеют принимать другой облик, обязательно присутствуют в сказках данного народа. Произошло это под влиянием очень распространенной в Китае веры в оборотней: всякий старый предмет или долго проживший зверь может принять человеческий облик, а забытый за шкафом веник через много лет превратиться в веник-оборотень. Вера в животных-оборотней в народе была настолько велика, что даже в энциклопедии ремесел и сельского хозяйства XV века с полной серьезностью говорилось о способах их изгнания.

Романтика китайских сказок несомненна, ведь их героям помогают волшебные силы, на стороне добра выступают все четыре природные стихии, а огнедышащие драконы готовы сражаться с войском захватчиков и разметать по холмам их бранные тела.

Сюжеты бытовых сказок отражают социальные отношения, характерные для Китая, который в течение веков был известен как империя чиновников. Их глупость, самонадеянность и корыстолюбие проявляются и в народных сказках. В них, как в зеркале, отражаются иерархические отношения общества, где крестьянину отводится самая низкая по статусу, но не по нужности роль. Ведь по выражению китайского народа «Простой крестьянин всех важней – он кормит всех других людей» (сказка «Чиновник, солдат и крестьянин»). Большинство бытовых сказок построено по законам сатирического жанра, сюжеты которых отличаются удивительным разнообразием. Это сказки и о глупце, который все делает невпопад; и о чрезвычайно популярном в разных литературных сюжетах спрятанном в сундук любовнике; и о судьях, которые, в отличие от русского фольклора, персонажи справедливые и мудрые.

Существует в Китае и малоизвестная часть фольклора, посвященная людям мастеровым и искателям женьшеня. В них проявляются такие характерные особенности менталитета китайского народа, как терпение, трудолюбие и ловкость.

Но, пожалуй, основными отличительными чертами китайских народных сказок являются их лаконичность по форме и емкость по содержанию. Наполненные глубинной вековой мудростью, они отражают прошлое древнего китайского народа, на творчество которого непосредственное влияние оказали сказки стран арабского мира, Тибета и Индии.

Вторая сказочная остановка – Индия

– Так ты тоже знаешь эту сказку? Да?

Почему же я никогда ее не слышал?

– Потому, что джунгли полны таких сказок.

Стоит только начать, им и конца не будет...

Р. Киплинг «Маугли» [10]

Сквозь тысячелетия и века дошли до наших дней сказки народов Индии, таинственной страны девственных тропических лесов, окаймленной цепями холмов, расщеченной глубокими ущельями рек, омываемой океаном. С разных концов земли сходились предки современного населения Индии, определяя разнообразие культур, религий и даже языков страны (санскрит, хинди и др.). И поныне в пестром, как само государство, саду индийской сказки множатся и сплетаются метафоры, поучения и цитаты; пышным цветом предельно и без полутонов раскрываются качества персонажей: красота женщины, дружба и благородство героя, коварство врага.

В Индии никогда не было детской литературы: перед маленьким индусом, неважно принцем или нищим, в одинаковой мере раскрывалась сокровищница сказок и легенд, по которым ему предстояло учиться жить. Занимательные и поучительные, они росли вместе с ребенком, наставляя его, как и взрослого. Горсть этой сокровищницы сосредоточена в средневековом сборнике «Хитопадеша» («Полезные наставления»), который переведен почти на все языки мира и пользуется огромной популярностью среди многих народов. Сборник, сотканный из занимательных стихотворных историй, будто бы рассказанных животными животным и преподанных в виде остроумных поучений мудреца Вишны Шармы сы-

новьям раджи, со временем приобрел прозаическую форму. Сказки, собранные в нем, построены по типу обрамленной новеллы, что по своему композиционному решению роднит их с арабским сводом «Тысяча и одна ночь». Особенность данного построения в том, что несколько вполне самостоятельных новелл обрамляются единой рамкой – сюжетом, который может быть не связан со вставленными новеллами, и тогда рамка выполняет декоративную функцию, но может также составлять единое целое с вкрапленными в нее новеллами. Очевидно, что такое построение было традиционным в древней и средневековой индийской литературе.

Почти все индийские сказки имеют литературные параллели, зафиксированные в санскритских сборниках около тысячи лет тому назад – «Рамаяна», «Панчатантра», «Катхасаритсагару» и др., основанных на древнейших верованиях в традиционных индийских богов. Поэтому в основной своей массе сказки Индии далеко отстоят от «классической» сказочной литературы, несмотря на общность целого ряда мотивов. И все же они имеют свою специфику, которая проявляется не столько в своеобразии сюжетов, сколько в характере их подачи – в том материальном и духовном фоне, на котором они воплощаются и разворачиваются. В сказках этой страны заросшие лианами джунгли населены экзотическими животными – слонами, шакалами, тиграми, кобрами; действуют нехарактерные для других народов персонажи – раджи, индийские брахманы, буддийские монахи. Каждая строка в них пропитана любовью народа к своей собственной культуре и традиционному быту. Своей поэтической формой привлекают сюжеты о девушке, похищенной змеем, съеденной рыбе-девушке и особенно безответной невестке и др.

Наибольшее распространение в Индии получили сказочные придумки про животных, обладающих всеми человеческими качествами. Они взаимодействуют друг с другом, обличают пороки, восхваляют добродетельное поведение (сборники «Индийские сказки», «Скворец и горошина», «Сказки попугая» и др.).

В числе сказок о животных центральное место принадлежит двум циклам – шакальему и тигриному. Они отчетливо показыва-

ют, насколько большое место в сознании народов Индии, чья жизнь тесно связана с лесом, занимают эти два зверя. Шакал здесь выступает в двух традиционно-индийских ипостасях – мудрый благожелательный советчик сочетается в нем с бессовестным пройдохой, а тигр воспринимается как жестокий убийца, постоянно угрожающий человеческой жизни.

Удивительная судьба выпала на долю сказок, собранных в сборнике «Сказки попугая» (в санскритском списке XII в. «Шука-саптати»). Когда именно они были написаны – неизвестно. Однако точно установлено, что сборник в 1330 г. был переведен на персидский язык, через который началось его путешествие по Азии и Европе. В конце концов, он возвратился обратно на родину, но в другом обличье, поменяв веру с индуизма, характерную для народов Индии, на ислам.

Стоит отметить, что за долгую историю своего существования Индия много раз оказывалась под гнетом мусульманских правителей. Это обстоятельство наложило немалый отпечаток на народное творчество. На территории страны распространился персидский язык, а составители сказок стали вкладывать в уста героев цитаты стихов священного писания – Корана.

В народном индийском творчестве можно встретить и много сюжетов о простых людях, победивших все невзгоды судьбы. Герои этих сказок борются с несправедливостью, используя житейскую мудрость, которая учит следовать дорогой добра: быть честными, помогать бедным и обездоленным.

Неудержимая сказочная фантазия индийского народа привлекает внимание не только своим удивительно красочным восточным колоритом, стилем повествования, но и обилием сюжетов, ориентированных на семейные ценности, религиозность, стремление к получению знаний, где в уста некоторых героев прямо вкладываются религиозные цитаты и поучения:

*Сперва о помощи глупца ты умоляешь
И не предвидишь горестей и бед.
Потом клянешь, жалеешь и страдаешь –
Что ж, все равно тебе держать ответ! [26].*

Индийские сказки получили широкую известность и за пределами Индии. Отдельные их сюжеты вошли в сказочную литературу других стран, в том числе государств Средней Азии.

Третья сказочная остановка – Средняя Азия

Сказки народов Средней Азии занимают большой пласт фольклорной литературы Востока. Обширен и сам регион, состоящий из территорий древнейших государств – Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана, Таджикистана, протянувшихся от берегов Каспийского моря на западе до Китая на востоке и объединенных общей историей.

Последняя особенность отразилась на характере народных сказок. Кочевая жизнь с одного места на другое, встречи с людьми иных национальностей, тесные связи с историей Ирана и Индии благоприятствовали обмену мифами, легендами и сказочными сюжетами. Так, например, туркменская сказка испытала влияние соседних народов Средней Азии, а через посредство иранского фольклора обогатилась индийскими сюжетами. В то же время, памятники древнеиндийской литературы – «Панчатантра», «Хитопадеша», «Шукасаптити» – явились источником заимствования сюжетов и мотивов для сказок региона в целом.

На общность сказочного фольклора народов Средней Азии оказало влияние и то, что в VIII в. они вошли в состав могущественной державы – Арабского халифата. Арабы, захватившие эти территории, сами подверглись культурному влиянию завоеванных народов и значительно изменили их жизнь. В результате в одном культурном котле оказались персы, таджики, арабы, туркмены, узбеки, киргизы и даже жители далекой Индии. Все они усвоили арабский язык и религию арабов – ислам.

Не вызывает сомнений то, что чудесные истории народов Средней Азии в своем подавляющем большинстве древнего происхождения. Очевидно и то, что все они разделяются на три основных типа: о животных, волшебные и бытовые.

Сказки о животных имеют много общего со сказками ряда других народов. Это сходство отражается в краткости формы (как

у анекдота), выразительности диалогов, видовом составе зверей, населяющих сказки. Ведь в них центральное место принадлежит тиграм, львам, змеям, кошкам, собакам, голубям, куланам, ослам и др., которые олицетворяют человеческие пороки и добродетели.

Впрочем, несмотря на многообразие культурных слоев, сказки народов Средней Азии несут на себе печать специфики и быта, характерную для каждого из них.

О чем бы ни говорилось в сказках: о городе китайского падишаха или о какой-нибудь вымышленной стране, куда героя забросила судьба, – всюду неизменно присутствует упоминание о пустынях и безлюдных степях, о горах и долинах, о ветрах, пыльной буре, одиноких чинарах, о караван-сараях и мечетях.

Мир волшебной сказки населен мифическими девушками пери, дэвами, драконами, шайтаном, колдунами, птицами Симург (Семург) и Зумруд (Замыр). Многие персонажи пришли в узбекскую, туркменскую, таджикскую сказку из персидской или арабской. Одни из них, например пери или дэвы изменили свой облик, обрели некоторые специфические черты данных народов. Так, в иранской мифологии пери – это злые или добрые духи, появляющиеся в виде прекрасных девушек, а в туркменской сказке – красивая девушка, обычно попавшая в плен к дэву. В свою очередь, дэв, который воспринимается иранцами как чудовище, обросшее шерстью, с рогами, огромными глазами и носом, с копытами и хвостом, в туркменской сказке человек, конечно, огромный и прожорливый, но при этом весьма глупый и добродушный:

«Когда дэв поворачивает назад, небо покрывается тучами и дует ветер. Когда ему остается день пути сюда, шумят вершины деревьев. Когда же дэв сюда доходит, дрожит земля, деревья трещат и ломаются» (из туркменской сказки «Караджа-батыр»).

Другие персонажи, например птица Симург (Семург), сохранили и свой облик, и свою роль в сказочном действии.

Лучшие стороны жизни в сказках народов Средней Азии олицетворяют положительные герои. Ими чаще всего бывают честный юноша-джигит, младший сын падишаха, сын бедняка, батрак, сирота или просто младший брат в семье, которого все почитают

дурачком (туркменская сказка «Три сына падишаха», узбекские сказки «Три богатыря», «Сладкоголосый соловей» и т. п.).

Носителями злого умысла в таких сказках являются падишах, хан, визирь, кадий, мулла или старшие братья. Именно они либо дают положительным героям поручения, неминуемо ведущие к гибели, либо обманывают его, присваивая себе чужие заслуги.

Среди сказок народов Средней Азии существуют циклы, сгруппированные вокруг какого-нибудь известного имени. Так, влияние классической поэзии и героического эпоса способствовало созданию сказочных образов великого завоевателя древности Александра Македонского (Искандера, как называли его в Средней Азии) и знаменитых поэтов Алишера Навои, Махтумкули, Кемине в фольклоре данных народов. Многие сказочники в течение веков обрабатывали легенду о мудром правителе Искандер-падишахе, в которой историческая личность полководца практически стерлась.

Издравле простой люд любил бытовые сказки сатирического характера, исполнение которых всегда сопровождалось веселым смехом. Имя смышленного героя, Ходжи Насреддина, известное всей Средней Азии и Ближнему Востоку, без улыбки не произносил ни взрослый, ни ребенок.

«Снова проделки нашего Ходжи Насреддина?» – спрашивали узбеки. «Да, хитер наш Ходжа Эфенди», – отвечали им туркмены. «Ох и шутник наш Алдар-Косе», – вторили им казахи.

Поколения сменяли поколения, сказки и анекдоты передавались из уст в уста во всех чайханах (особых чайных домах) и караван-сараях Средней Азии, а неистощимая народная фантазия добавляла к собранию остроумных историй о Ходже Насреддине все новые сказки и анекдоты, которые распространялись на огромной территории. Большинство из них изображали Насреддина небогатым деревенским жителем и не имели абсолютно никаких отсылок ко времени повествования – их герой мог жить и действовать в любые времена и эпохи. И тогда утихал великий спор о месте рождения Ходжи и наступало время восточной сказки:

«Однажды, на базаре Ходжа увидел, как толстый чайханик тряс нищего бродягу, требуя у него платы за обед.

– Но я же только понюхал твой плов! – оправдывался бродяга.
– Но запах тоже стоит денег! – отвечал ему толстяк.
– Подожди, отпусти его – я заплачу тебе за все, – с этими словами Ходжа Насреддин подошел к чайханицику. Тот отпустил беднягу. Ходжа вынул из кармана несколько монет и потряс их над ухом чайханицика.
– Что это? – изумился тот.
– Кто продает запах обеда, тот получает звон монет, – невозмутимо ответил Ходжа».

«Ходжа Насреддин и звон монет» [29].

Кульминация

Неожиданно речь убеленного сединами старца остановилась, заполнив городскую площадь звуками тишины. Слушатели тоже притихли в предвкушении интересной истории, ведь в этой неожиданной паузе была скрыта самая сокровенная тайна Востока – тайна «Тысяча и одной ночи».

«Тысяча и одна ночь» как гимн красоте

...Никогда еще ни в какой другой книге столь убедительно не утверждалось гордое всемогущество искусства.

Г. К. Честертон [21]

Существует множество способов рассказать историю Востока. Можно излагать факты о возникновении и распаде государств или сосредоточить внимание на духовной культуре народов, описать их быт и нравы. А можно прочесть сказки «Тысяча и одной ночи», в которых отразилась ментальность Востока – этого древнейшего культурного котла, где неисчислимые потоки народов переселялись, смешивались, иногда вытесняя друг друга. И так...

Когда-то, очень давно (X-XII вв.), в старинном городе Багдаде оформилась первая редакция знаменитого сказочного свода «Тысяча и одна ночь», в который вошли переведенные с персидского индо-

иранские сказки и различные повествования из арабского фольклора. Словом, уже тогда состав сборника был очень пестрым.

В эту сокровищницу фольклора наряду с главными творцами – арабами – внесли свой вклад индусы и иранцы, греки, евреи, древние египтяне, вавилоняне, другие народы и племена древнего и средневекового Востока. Именно в этом разнообразии источников отразилась историческая реальность Арабского халифата – государства, культура которого создавалась не только арабами, но и покоренными ими народами.

Впрочем, тайна формирования свода отнюдь не разгадана до конца. Известно лишь, что на протяжении многих веков излюбленным развлечением городского люда – ремесленников и торговцев, носильщиков тяжестей и погонщиков верблюдов – были своеобразные концерты-чтения. В те времена на рынках, в кофейнях или закусовых можно было увидеть профессиональных чтецов (шаиrow и мухаддисов) или уличных сказителей. Они декламировали увлекательные истории, создавали свой репертуар, записывали уже бытовавшие в народе рассказы либо пользовались литературными источниками, приспособлявая материал ко вкусам своих слушателей. Со временем эти истории обростали все новыми эпизодами, сплетались в единый сборник и обретали все большую известность. Пока в XVIII веке не появились первые переводы сказок «Тысяча и одной ночи» на французский и другие языки, открывшие Европе причудливый, загадочный мир арабских сказок с джиннами и колдунами, запечатанными тайным словом сокровищами, волшебными кольцами и светильниками, очаровательными юношами и лукавыми красавицами.

«Тысяча и одна ночь» – свод очень разнохарактерных повествований даже в том, что касается их жанровой принадлежности. Они отнюдь не все сказки. Здесь можно встретить короткие анекдоты и плутовские рассказы, новеллы о предприимчивых купцах и длинные повествования о приключениях мореплавателей, любовные истории и героические эпопеи. Но какими бы тропинками ни плутала причудливая фантазия рассказчика, истоки ее в жизни большого средневекового арабского города, где

*На прохладных открытых террасах
Чешут женичины золото кос,
Угощают подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.*

*Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед ними Коран,
Где персидские миниатюры —
Словно бабочки сказочных стран.*
Н. Гумилев [6]

Страницы «Тысяча и одной ночи» пестрят часто повторяющимися описаниями дворцов султанов, лавок торговцев, жилищ ремесленников, городских площадей, богатых и говорливых базаров, знаменитых восточных бань и удивительных садов, при виде которых «расширилось сердце и светлело в глазах». Даже в волшебных историях дается так много конкретного материала о реальной жизни арабского средневекового города и нравах его жителей, что ученые до сих пор пишут по ним научные исследования о городской культуре тех времен. Недаром русский критик В. Г. Белинский отмечал, что «никакие описания путешественников не дадут вам такого верного, такого живого изображения нравов и условий общественной и семейной жизни мусульманского Востока как «Тысяча и одна ночь» [13].

Перед читателем сказок, равно взрослым или ребенком, открывается особый мир, одновременно знакомый и незнакомый, фантастический и реальный, мир, окутанный «теплом и ароматом Востока». Там феи и волшебники, джинны и окаменелые города предстают в грандиозных размерах, поражающих воображение.

*Всюду башины, дворцы из порфировых скал,
Вкруг фонтаны и пальмы на страже,
Это солнце на глади воздушных зеркал
Пишет кистью лучистой миражи*
Н. Гумилев [6]

В сборнике каждая сказка притягивает как к магнитной горе, у которой гибнет корабль или толкает во власть духа-великана, когда-то заключенного в медный сосуд. Здесь действуют различные исторические личности, превращенные народной фантазией в легенду – халифы, эмиры, поэты, музыканты, а также персонажи народной литературы – султаны, богатые купцы, бедные ремесленники, благонравные или коварные жены, мудрые (как в индоиранских сказках) и корыстные (как в арабских сказках) советники. Эти типы и характеры были хорошо знакомы. Слушая сказки, горожанин сразу узнавал давно известных ему действующих лиц и заранее понимал, как нужно себя вести. Его симпатии, как и симпатии сказителя, были на стороне Аладдина, Али-Бабы, бедного рыбака или отважного морехода Синдбада.

Гигантский свод с самого начала своего существования был заключен в литературную «рамку», принцип, которой восходит к древнеиндийской повествовательной традиции. Многочисленные сказки, вписывались в одну историю о царе Шахрияре, который каждый день брал себе в жены девушку, а наутро повелевал ее казнить, и о находчивой Шахразде, которая, начав в первую ночь рассказывать увлекательную сказку, утром останавливалась на самом интересном месте...

Концовка

Наутро дети и взрослые прощались с седебородым сказочником в белоснежной чалме, но еще долго слышались величавые и мелодичные звуки его голоса, разносившиеся по всей городской площади.

Прошли столетия, сменились поколения, а интерес к сказке не иссяк. Все так же заманчиво звучит голос сказочника, также заморожено внимают ему слушатели.

*Ведь сказка тем и хороша,
Что в ней счастливую развязку
Уже предчувствует душа.
И на любые испытанья*

*Согласны храбрые сердца
В нетерпеливом ожиданье
Благополучного конца...*
В. Берестов [24]

По-прежнему сказки народов государств, через территории которых в древности пролегал Великий шелковый путь завораживают своими тайнами все новых писателей и поэтов. Присмотритесь, возможно именно в эту минуту перед вами открывается дверь в мир восточной сказки...

Список литературы

1. Амонов, Р. Предисловие / Р. Амонов // Таджикиские народные сказки: пер. с таджикского. – Москва, 1990. – С. 3-6.
2. Артамонов, С. Литература Ирана и Средней Азии // Литература средних веков: книга для учащихся старших классов / С.Д. Артамонов. – Москва, 1992. – С. 168-174.
3. Афзалов, М. Предисловие / М. Афзалов // Узбекские народные сказки: в 2 т. – Ташкент, 1972. – Т.1. – С. 5-10.
4. Герхард, М. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи» / М. Герхард. – Москва: Главная редакция восточной литературы, 1984. – 453, [3] с.
5. Гордлевский, В. Ходжа Насреддин: [послесловие] / В. Гордлевский // Анекдоты о Ходже Насредине / пер. с турецкого В.А. Гордлевского. – Москва, 1957. – С. 242-258.
6. Гумилев, Н. Египет; Сахара // «Я конквистадор в панцире железном...»: стихотворения / Н. Гумилев. – Москва, 2008. – С. 178-184.
7. Дехтярь, А. Сад чар и чудес: [предисловие] / А. Дехтярь // Индийские волшебные повести / пер. с урду. – Москва. – 1981. – С. 3-14.
8. Дубова, Л.В. Гимн красоте / Л.В. Дубова // Рассказ про Ала-ад-Дина и волшебный светильник; Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольниц Марджану, полностью и до конца: из сказок «Тысячи и одной ночи». – Москва, 1992. – С. 3-8.

9. Золотой остров: китайские народные сказки / сост. Л.П. Серебрякова; худож. Р.В. Халилов. – Москва: Летопись XXI, 2002. – 93, [3] с.: ил.
10. Киплинг, Р. Как страх пришел в джунгли // Маугли / Р. Киплинг. – Москва, 2001. – С. 243-267.
11. Народные сказки пяти частей света // Брандис, Е. От Эзопа до Джани Родари: зарубежная литература в детском и юношеском чтении / Е. П. Брандис. – Москва, 1980. – С. 233-238.
12. Никифоров, А.И. Сказка и сказочник / А.И. Никифоров; сост. Е.А. Костюхин. – Москва: ОГИ, 2008. – 374, [2] с.
13. Никулин, И. Предисловие / И.Н. Никулин // Сказки народов мира. Тысяча и одна ночь: арабские сказки. – Москва, 1994. – С. 3-28.
14. Перельман, Д. Проникнуть за великую китайскую стену / Д. Перельман // Древнее зеркало: китайские мифы и сказки. – Москва, 1993. – С. 252-253.
15. Пропп, В. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 2000. – 333, [3] с.
16. Салганик, М. Послесловие // Сказки попугая: индийские легенды и сказания. – Москва: Минск, 1992. – С. 283-286.
17. Стеблева, И. Туркменская сказка: [вступительная статья] / И. Стеблева // Проданный сон: сборник туркменских народных сказок. – Москва, 1969. – С. 5-19.
18. Улуг-заде, К. Предисловие / К. Улуг-заде // Таджикские народные сказки. – Душанбе, 1969. – С. 3-8.
19. Фильштинский, И. Вечно юная сказка: [вступительная статья] / И.М. Фильштинский // Халиф на час: избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи» / пер. с араб. М.А. Салье. – Москва, 1986. – С. 3-26.
20. Фильштинский, И. Замечательные памятники народной словесности: [вступительная статья] / И.М. Фильштинский // Маруф-башмачник: избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи» / пер. с араб. М.А. Салье. – Москва, 1986. – С. 3-26.
21. Фильштинский, И. Сказочный мир Шахразады: [вступительная статья] / И.М. Фильштинский // Тысяча и одна ночь / пер. с

араб. М.А. Салье. – Москва, 2003. – С. 5-28. – (Золотой фонд мировой классики).

22. Хитопадеша. Полезные наставления / пер. с хинди и обработка В. Быкова и Р. Червяковой. – Москва: Детгиз, 1958. – 158, [2] с.: ил.

23. Шидфар, Б. Книга далекая и близкая: [вступительная статья] / Б. Шидфар // Тысяча и одна ночь: избранные сказки / пер. с араб. – Москва. 1975. – С. 5-18.

Электронные ресурсы

24. Берестов, В. Сказка: [стихотворение] / В.Д. Берестов. – Режим доступа: <https://stihi-russkih-poetov.ru/poems/valentin-dmitrievich-berestov-skazka>.

25. Герои и сюжеты китайских сказок. – Режим доступа: <https://www.litmir.co/br/?b=266695&p=1>.

26. Глупые обезьяны: индийская сказка. – Режим доступа: <http://raskazka.net/12-indijskij-folklor/>.

27. Зограф, Г. Предисловие / Г.А. Зограф // Сказки Центральной Индии. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/1036573/1/Skazki_centralnoy_Indii.html.

28. Липатова, И. Сказки «Тысяча и одна ночь» как источник по истории ментальности Востока / И.А. Липатова, А.И. Назарова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/skazki-tysyacha-i-odna-noch-kak-istochnik-po-istorii-mentalnosti-vostoka>.

29. Ходжа Насреддин и звон монет. – Режим доступа: <http://www.skazki-priskazki.ru/xodzha-i-zvon-monet/>.

30. Япин, Ц. Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте / Цун Япин. – Режим доступа: http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2012/tsun_yapin.pdf.

400050, г. Волгоград,
ул. Рокоссовского, 48
E-mail: VODB@bk.ru
www.biblioteka-volgograd.ru
37-72-01
37-72-56